

П. К. Кривошеин, С. Ш. Ахмедова

БУДЕТ ЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОВТОРНОСТИ КАК ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРАВА?

Статья посвящена историческому анализу института повторности в уголовном праве России и проблемам нормативного регулирования указанного института на современном этапе развития уголовного законодательства.

Ключевые слова: повторность, рецидив, совокупность преступлений, множественность наказаний, спидтеррористы, институт повторности преступлений, декриминализация.

P. K. Krivoshein, S. Sh. Akhmedova

WILL THERE BE THE REHABILITATION OF REPEATABILITY AS AN INSTITUTE OF CRIMINAL LAW?

The article is devoted to the historical analysis of the institution of repeatability in the Russian criminal law and the problems of statutory regulation of the mentioned institute at the modern stage of criminal legislation development.

Keywords: repeatability, recidivism, cumulative crime, multiple sentences, institute of crime repeatability, decriminalization.

История русского уголовного законодательства показывает, что круг обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность и наказание, даже в сравнительно небольшие промежутки времени претерпевал значительные изменения. Перечень отягчающих обстоятельств то признавался исчерпывающим, то допускалось его расширительное толкование, число их то увеличивалось, то сокращалось, нередко смягчающие обстоятельства признавались отягчающими и наоборот. Лишь понятие повторности неизменно включалось в этот перечень. «Просматривая историю права, — писал Н. С. Таганцев, — изучая те отрывки, которые дошли до нас от прошедшей жизни разных народов, мы всегда встретим указания на то, что повторение более или менее отчетливо отличалось от других преступлений, что оно всегда влекло усиление наказания» [1].

Действительно, повторность как институт уголовного права имеет глубокие исторические корни. Первые упоминания об ответственности лиц, совершивших несколько преступлений, обнаруживаются в Римском праве [2]. Указания на

повторность преступлений имеются в старофранцузском, старогерманском и в законодательствах других древних государств. А каноническое право сравнивало повторность преступлений с раной, которая «быв едва залечена, снова открылась и которую вновь залечить несравненно трудно» [1].

Среди правовых документов XIV в. обращает на себя особое внимание Двинская Уставная грамота, созданная в 1397—1398 гг. Исторически непреходящее значение этого нормативного акта заключается в том, что им фактически была открыта история русского уголовного права, определены признаки преступления и порожден институт повторности преступлений. Статья 5 Двинской Уставной грамоты гласит: «А кто у кого что познает татебное ... татя впервые продати противу поличного; а в другие уличат, продадут его не жалуя; а уличат в третье — ино повесити; а татя всякого пятнити» [3]. Если эту норму рассматривать с позиции современной дефиниции преступления, сформулированной в ст. 14 УК РФ, то в ней выделяются: общественная опасность, противоправность, виновность и

наказуемость, т. е. все признаки, объективно присущие преступлению. Не вдаваясь в анализ содержания этой статьи на предмет определения признаков преступления, отметим лишь, что законодатели Русского государства в период превращения его в централизованное под повторностью понимали совершение двух или более правонарушений, за одно из которых оно подвергалось наказанию. Об этом же свидетельствует и ст. 8 Псковской Судной грамоты, действовавшей примерно в тот же временной период (дата издания и поныне не бесспорна): «Если что-либо будет украдено на посаде, то дважды вора милоя, не лишая жизни, а, уличив (в воровстве), наказать в соответствии с его виною; если же он будет уличен в третий раз, то в живых его не оставлять (также), как вора, обокравшего Кремль» [4].

Первый кодекс Русского централизованного государства под названием «Судебник» был принят в 1497 г. Его создатели внесли существенные изменения в институт повторности преступлений. Теперь под повторностью понимается не только рецидив, но и фактическое совершение двух и более преступлений. Так, в ст. 13 Судебника говорится: «А с поличным приведут впервые, а взмолвят на него человек пять или шесть по великого князя по крестному целованию, что он тать ведомой, и преж того неодинова крадывал, ино того казнити смертною казнию ...» [5].

Новый крупный вклад в развитие института повторности преступлений внесен Соборным Уложением царя Алексея Михайловича 1649 г. В нем количество статей, предусматривающих повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства, значительно увеличилось. Кроме различных видов воровства повторность была введена в статьи, предусматривающие ответственность за кормчество (противозаконное изготовление и сбыт вина), незаконную продажу табака, ложный донос и ряд других статей. Повторность, как обобщающее понятие, была дифференцирована на три разновидности: совокупность, собственно повторность и рецидив. В ст. 12 гл. XXI «О разбойных и татиних делах» предписывалось: «А приведут татя, доведут на

него татьбы три или четыре, или больше: и того татя пытав, казнити смертию». Аналогичные меры воздействия применялись и за совершение повторного мошенничества — «чинить тот же указ» (ст. 11), повторного грабежа (ст. 15) [6]. Лишь разбойники, которые «ходят по улицам, людей режут и грабят, и шапки срывают», подвергались смертной казни не за третье, а за второе разбойное нападение [7].

Анализ содержания Соборного Уложения позволяет сделать следующие выводы:

— повторность присуща лишь малой части и только тех преступлений, которые представляли существующему тогда феодальному строю повышенную общественную опасность;

— повторность во всяком случае влекла усиление наказания, хотя и не являлась общим его условием; усиление наказания — обязанность, но не право суда;

— для повторности преступлений характерна множественность наказаний (тюрьма, телесные наказания, смертная казнь);

— повторность предполагала совершение двух и более юридически тождественных или однородных преступлений независимо от наличия судимости и сроков давности.

Русское право в форме свода законов было кодифицировано в 1832 г. Уголовное законодательство «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» составило 15 том этого свода. В ст. 124 свода впервые в истории русского уголовного права давалось определение повторности преступлений: «Повторением преступления считается то, когда преступник, будучи наказан за преступление, учинил то же самое в другой или третий раз» [8]. Как видно, с этого времени повторность признавалась общим условием уголовной ответственности, влекущим более строгое наказание, и под ней понимался специальный рецидив. Однако в своде имелось и понятие «стечение преступлений» (ст. 123). Им охватывались случаи совершения как юридически тождественных, так и однородных и разнородных деяний, ни за одно из которых виновный еще не понес наказания.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предписывалось

увеличивать меру наказания во всех случаях совершения повторного преступления: «Суд назначает всегда самую высшую меру наказания за повторение оно» (ст. 132 Уложения). Параллельно с Уложением действовал Устав о наказаниях, применяемых мировыми судьями (Мировой Устав), в ст. 16 которого говорилось, что «совокупность проступков считается во всяком случае обстоятельством, увеличивающим вину». Понятие совокупности было включено в 1857 г., а его определение давалось в ст. 152 Уложения 1885 г. (далее — Уложение). В этом Уложении использовались и такие разновидности повторности, как преступный промысел (ст. 931), и лица, обратившие совершение преступлений в промысел, признавались особо опасными и подлежали самому суровому наказанию (ст. 64 Уголовного Уложения 1903 г.). В соответствии с ч. 2 ст. 336 Уложения повышенная мера уголовной ответственности устанавливалась в отношении должностных лиц, уличенных в неоднократном непредставлении в установленный срок официальных документов, требуемых на законном основании. Всего же в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. повторность преступлений как квалифицирующее обстоятельство предусматривалась более чем в 200 из 1711 статей. Слово «рецидив» в Уложении не использовалось, он выражался фразой: «Учинение другого после суда и наказания за первое» (ст. 131). Более конкретно о рецидиве говорится в п. 8 ст. 170 Мирового Устава: «... когда кража совершена лицом, уже однажды осужденным за кражу или мошенничество».

Анализ норм о повторных преступлениях, включенных в законодательные акты дореволюционной России, позволяет сделать следующие выводы:

— первые упоминания о повторности преступлений относятся к концу XIV в., а его обобщенное определение было сформулировано спустя более четырех столетий, т. е. в Своде Законов Российской Империи 1832 г.;

— повторность преступлений независимо от формы ее проявления всегда влекла усиление наказания;

— по мере поступательного развития общества круг деяний, предусматривающий признак повторности, расширяется, мера ответственности увеличивается;

— институт повторности и система наказания за повторное совершение преступлений получили достаточно обстоятельное развитие в конце XIX — начале XX вв.

В результате революции 1917 г. в России было создано государство нового типа — государство диктатуры пролетариата (население России на 90 % составляли крестьяне [9]), породившее новые, в т. ч. и уголовно-правовые отношения в обществе. Вместо законов издавались постановления и декреты, которые, по меткому заявлению В. И. Ленина, «служили формой пропаганды» [10], в которых, однако, устанавливалась повышенная уголовная ответственность за спекуляцию в виде промысла, за вторичный побег, а в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. предписывалось при назначении наказания учитывать, «совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным». Из 227 статей УК РСФСР 1922 г. в 17 в качестве квалифицирующего обстоятельства предусматривалась та или иная разновидность повторности: собственно повторность — ч. 2 ст. 79²; рецидив — ст. 142 и ст. 183; промысел — ст. 146, 181 и в других статьях УК. Понятия систематичности и неоднократности были введены в УК 1922 г. соответственно в июне 1923 г. и в августе 1925 г [11]. С принятием УК РСФСР 1926 г. число статей, предусматривающих признак повторности, увеличилось почти вдвое (36 статей), и повторность становится общим условием усиления наказания (п. «г» ст. 47).

В УК РСФСР 1960 г. институт повторности получил свое дальнейшее развитие. В отличие от прежнего в новом законодательстве содержание повторности преступлений раскрывалось в Общей (ст. 41) и в Особенной (примечание к ст. 89 и 144) частях УК РСФСР. Значительно увеличилось количество норм, предусматривающих повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства и как структурный элемент основного состава преступления. Период 50—60-х

гг. характеризуется активизацией научной деятельности, институт повторности становится одним из основных предметов научных исследований. В этот период выходит ряд фундаментальных работ В. Н. Кудрявцева, Н. А. Стручкова, А. М. Яковлева, А. С. Никифорова и др. Они стали надежным основанием для более глубокой разработки проблем повторности, вызвали к жизни обширную литературу, побудили острую полемику по ключевым понятиям повторности (понятие, разновидности, их содержание, влияние на дифференциацию ответственности и персонификацию наказания). В результате был создан полноценный и эффективно действующий механизм борьбы с наиболее опасным сегментом преступности — повторной преступностью, лежащей наряду с групповой в основе всех направлений организованной преступности. Мы не переоцениваем значение этого механизма, поскольку в любом, даже, казалось бы, самом совершенном найдутся те или иные конструктивные недоработки. Повторность потому так называется, что отражает факт социальной действительности, выраженной в неоднократности конкретных преступных действий человека. Следовательно, кратности повторения преступлений, но не ее терминологической разнообразности (повторно, неоднократно, систематически, промысел, рецидив, совокупность) в первую очередь должна соответствовать санкция закона, предусматривающего повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства. Разнообразие понятий, обозначающих одно и то же социальное явление (повторное совершение преступлений), не может существенно повлиять ни на оценку личности повторного преступника, ни на правильность понимания уголовного закона и однозначность его применения. Поэтому содержание института повторности можно было бы наполнить лишь двумя его составляющими — повторностью («...то же деяние, совершенное повторно...») и промыслом, а точнее, преступной деятельностью, отражающей одновременно и преступный профессионализм и преступный образ жизни в целом, которые в

современной России все более и более актуализируются.

УК РСФСР 1960 г. действовал 36 лет. За это время в него было внесено примерно 750 изменений и дополнений, за что Кодекс подвергался жесткой критике. Очередное революционное потрясение постигло Россию в 1991 г. Началась коренная ломка всего уклада жизни россиян, приведшая к их обнищанию. Качественные изменения произошли и в преступности: революционными темпами росла профессиональная и организованная преступность. Многие же положения действующего уголовного законодательства не отвечали и не могли отвечать непредсказуемым политическим и экономическим «преобразованиям». В этой связи возникла острая необходимость в коренном реформировании Уголовного кодекса. В создании нового механизма регулирования наиболее важных общественных отношений работало несколько творческих коллективов. В результате 24 мая 1996 г. Госдумой РФ был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации. В первоначальной редакции он выгодно отличался от своего предшественника. Его составители, в частности, учли научные наработки исследователей проблем повторности преступлений, закрепив в УК в качестве квалифицирующих обстоятельств лишь неоднократность (предполагалась повторность) и рецидив. Места же преступной деятельности в новом УК не нашлось по той, вероятно, простой причине, что к этому времени разграбление национального достояния России и неразрывно связанная с этим процессом коррупция представляли собою именно преступную деятельность, субъектами которой были отнюдь не «несуны» в лице рабочих и крестьян, и не мздоимцы — медработники, учителя и милиционеры. Однако уже к 2003 г. рецидив был лишен этого качества. Он сохранился лишь в значении обстоятельства, отягчающего наказания (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК), а вскоре, т. е. 8 декабря 2003 г. Федеральным законом № 162-ФЗ такая же участь постигла и неоднократность, и более того, она была лишена и этого отягчающего обстоятельства. Вряд ли стоит удивляться такому

отношению к институту повторности преступлений и в целом к уголовному законодательству со стороны «демократического» руководства страны. На наш взгляд, такая перспектива была заложена революционными младодемократами, которые и поныне остаются у кормила власти. Иначе как объяснить тот факт, что за 14 лет действия УК 1996 г. в него внесено более тысячи изменений и дополнений, многие из которых — результат сугубо субъективного и непрофессионального отношения к уголовному закону. В частности, благодаря Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ в УК появились новеллы, имеющие откровенно идеологическую и русофобскую подоплеку с установлением уголовной ответственности не за совершение конкретных деяний, а за мысли и убеждения (ст. 280, ст. 282 и ст. 282²). УК продолжает пополняться заведомо «мертвыми» и дублирующими нормами (ст. 141—142¹, 184, ч. 5 ст. 291¹ и ряд др.; ст. 238 и ст. 263¹, ст. 263 и 263¹ и др.). Из него целенаправленно и последовательно исключались нормы, сдерживающие корыстную, корыстно-насильственную и организованную преступность: одновременно аннулированы квалифицирующая неоднократность (повторность) и конфискация преступно приобретенного имущества (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ); до минимума за совершение этих же преступлений снижен предел наказания в виде лишения свободы (Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ); все большую честь приобретает штраф, которым с легкостью откупаются от реального наказания заведомо лихие (особо опасные) ненасытные стяжатели. Список подобных новшеств можно продолжать и продолжать. Более того, современная уголовная политика демократического государства стимулирует рост преступлений, посягающих на нравственные начала нации. В частности, законодатель сознательно, полагаем, «увел» от уголовной ответственности главного виновника абортов, в т. ч. и криминальных, — лицо, «имеющее высшее медицинское образование соответствующего профиля», т. е. врача-гинеколога (ст. 123 УК); лиц, занимающихся развратом детей на профессиональной основе (ст.

135 УК); лиц — спидотеррористов (ст. 122 УК с примечанием); матерей-убийц своих новорожденных детей (ст. 106 УК); в декабре 2011 г. декриминализованы клевета и оскорбление (Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ). Нравственные устои нации подрываются и всепоглощающей коррупцией (бесспорный фактор морально-нравственного разложения государственного аппарата управления), о бескомпромиссной борьбе с которой лишь говорят первые лица государства, а деяния их, в т. ч. и в нормотворчестве, — прямо противоположные.

Если подытожить все вышеизложенное, соизмерив его с современной уголовной политикой государства, то перспектив на возрождение и совершенствование института повторности в уголовном праве не имеется. Этот пессимистический вывод — не столько плод исторического анализа закона, сколько убежденность в том, что имплементация повторности в УК станет существенным правовым фактором противодействия чуждой россиянам идеологии стяжательства, идеологии порабощения ничтожным и, по сути, антироссийским меньшинством всего населения России.

Список библиографических ссылок

1. Таганцев Н. С. О повторении преступлений: Исследование. СПб., 1867. С. 43.
2. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. С. 292.
3. Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 162—163.
4. Там же. М., 1953. Вып. 2. С. 303.
5. Там же. М., 1955. Вып. 3. С. 348.
6. Там же. М., 1957. Вып. 6. С. 384—385.
7. Там же. Вып. 6. С. 386.
8. ЦГИАЛ. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 308. Л. 152.
9. Столешников А. А. Реабилитации не будет! (Анти-Архипелаг). М.: Проффессионал, 2011. С. 427.
10. Кривошеин П. К. Повторность в советском уголовном праве (теоретические и практические проблемы). Киев, 1990.
11. СУ РСФСР. 1923. № 150; 1925. № 58.

© П. К. Кривошеин, С. Ш. Ахмедова, 2012